

DOI 10.15393/j9.art.2016.3602

УДК 821.161.1.09“18”

Юлия Николаевна Сытина*Московский государственный областной университет
(Москва, Российская Федерация)*

yulyasytina@yandex.ru

РОССИЯ И ЕВРОПА В ПОЛЕМИКЕ АВТОРОВ «МОСКОВСКОГО НАБЛЮДАТЕЛЯ»*

Аннотация. Статья посвящена изучению журнала «Московский наблюдатель», важное место в котором занимали раздумья о настоящем и будущем России, путях ее развития. В издании уже ощутимы зарождающиеся споры между западниками и славянофилами. Эта оппозиция отчасти перекликалась с противопоставлением старой и новой столиц — патриархальной Москвы и делового Петербурга. В журнале горячо обсуждались вопросы, связанные с проблемами историософии и религии, политического устройства государства, взаимоотношений России и Европы, с оценкой реформ Петра I, осмыслением роли научного и научно-технического прогресса в развитии общества. Как показывает анализ произведений А. С. Хомякова, С. П. Шевырева, В. Ф. Одоевского, Н. Ф. Павлова, В. П. Андросова, Е. А. Боратынского, позиции авторов «Московского наблюдателя» были разнообразны, носили независимый и самобытный характер, их мнения всегда были ориентированы на духовные ценности и православные традиции, осознаваемые как исконно русские.

Ключевые слова: культурные оппозиции, миф, полемика, «Московский наблюдатель», славянофилы, западники, историософия

Стремясь к просвещению читающей публики и созданию оппозиции «торговой» словесности, а также к выражению своих философских, творческих и научных исканий, московские литераторы с 1835 года стали издавать собственное периодическое издание — толстый энциклопедический журнал «Московский наблюдатель». Его главным редактором стал В. П. Андросов, выдающийся ученый-энциклопедист, литератор, статистик и экономист, ведущим критиком — С. П. Шевырев, бывший любомудр, литературный критик, поэт. В 1838 году руководство «Московского наблюдателя» фактически перешло к В. Г. Белинскому, что знаменовало уже новый период в издании журнала.

Исследованию «Московского наблюдателя» и, в частности, взглядов авторов журнала на Россию и Европу посвящены диссертации Г. Г. Рамазановой и В. М. Гнеденко [6]; [16], так или иначе к изучению этого вопроса обращались ученые, занимающиеся историей русской философии и общественной мысли [1]; [7]; [10]; [23] и журналистики [4]; [11]; [17], творчеством писателей, поэтов, критиков, публиковавшихся в этом издании [5]; [18]; [19]; [21]; [22].

Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что всех основных авторов «Московского наблюдателя» глубоко волновала дальнейшая судьба России. Единые в искренней любви к Родине, «наблюдатели», однако же, довольно далеко расходились в оценке ее прошлого и настоящего, в определении наилучших путей дальнейшего развития страны и в осознании исторической миссии России. Одним из главных вопросов полемики была проблема отношения России и Европы — проблема, которая осознавалась как «проблема выбора исторического пути России» [9, 198].

В 1830-е годы русское общество еще не разделилось на западников и славянофилов, однако эти направления уже отчетливо наметились в течении отечественной мысли. В первый период существования «Московского наблюдателя» (1835–1837), когда он издавался В. П. Андросовым и С. П. Шевыревым, авторы журнала преимущественно представляли собой или будущих славянофилов (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, В. И. Даль, отчасти С. П. Шевырев и М. Н. Погодин), или писателей, занимающих особую, промежуточную позицию (В. Ф. Одоевский, Н. Ф. Павлов, А. Ф. Вельтман, В. П. Андросов).

Противопоставление России и Европы во многом связано с различиями старой и новой столиц, недаром уже в 1840-е годы Санкт-Петербург станет средоточием западничества, а Москва — славянофильства, что нашло яркое выражение и в литературе [3]; [13]; [20]. В. Н. Топоров писал об оппозиции Петербурга и Москвы: «В зависимости от общего взгляда размежевание этих столиц строилось по одной из двух схем. По одной из них бездушный, казенный, казарменный, официальный, неестественно-регулярный, абстрактный, неудобный, выморочный, нерусский Петербург противопоставлялся

душевной, семейственно-интимной, патриархальной, уютной, “почвенно-реальной”, естественной, русской Москве. По другой схеме Петербург как цивилизованный, культурный, планомерно организованный, логично-правильный, гармоничный, европейский город противопоставлялся Москве как хаотичной, беспорядочной, противоречащей логике, полуазиатской деревне» [20, 652]. Такое противопоставление имело глубокие исторические корни, восходящие к самому основанию Петербурга [2]; [15]. Появившись в литературе XVIII века [14], наиболее полемический и заостренный характер оно получит у Ф. М. Достоевского [9]. Споры о верности той или иной позиции, тесно связанные с осмыслением исторической миссии России, ее отношений с Западной Европой, преобразований Петра I, роли науки и прогресса в развитии человечества занимали большое место на страницах «Московского наблюдателя».

Со всей очевидностью эта оппозиция представлена в «*Петербургских письмах*» (курсив мой. — Ю. С.) В. Ф. Одоевского, далеко не случайно появившихся именно в «*Московском наблюдателе*» (курсив мой. — Ю. С.), — ведь они и сюжетно, и фактически написаны петербуржцем в Москву. Произведение состоит из трех писем Вячеслава, молодого москвича, приехавшего в Петербург для поступления на службу, своему другу Виктору, оставшемуся в Москве, и одного ответного письма Виктора Вячеславу. Это сочинение носит автобиографический характер, но относится к событиям почти десятилетней давности (по отношению к 1835 году) — к далекому 1826 году, когда В. Ф. Одоевский, оставив московских друзей-любомудров, переселился в Петербург и поступил на государственную службу.

В «*Петербургских письмах*» В. Ф. Одоевский устами Вячеслава говорит о важности преобразований Петра I и о благой роли европейского опыта в развитии России. Характерно ответное письмо Виктора, московского друга Вячеслава. Он упрекает новоявленного петербуржца в приверженности к европейскому, видит в его восхищении «иностранным городом» «космополитизм» и строго предостерегает: «Смотри <...> чтобы ты о русских делах не стал судить немецким умом, русские правила подгонять под немецкие принципы и русский дух не сделался бы тебе непонятен потому, что ты будешь

искать в нем немецкого. Космополитизм, моя душа, хорош в филантропической диссертации, а в службе не только никуда не годится, но даже вреден» (1835, № 1, 69)¹.

Большое значение для понимания позиции В. Ф. Одоевского в споре между Виктором и Вячеславом имеет последнее письмо Вячеслава, опубликованное только в 1913 году П. Н. Сакулиным. В ответ на обвинения Виктора в «космополитизме» и приверженности иностранному Вячеслав с негодованием упрекает московского друга в косности и ограниченности: «...ты формалист, ты разместил ум человеческий и всю природу по ящикам и очень рад; в один ящик запрятал филантропию, в другой службу, в третий русский дух, в четвертый английский фрак» [18, 177]. По мнению Вячеслава, европейский опыт уже настолько ассимилировался в России, настолько стал ее составной частью, что чуждые русской природе «выходцы из-за моря принадлежат уже к древней истории» [18, 177]. Рассуждая о будущем Отечества, герой единственным верным путем считает путь просвещения, который, как это исторически сложилось, пролегает через Европу. Вместе с тем, по мнению Вячеслава, стремление перенять положительный европейский опыт вовсе не означает принижения или умаления русской культуры и отказа от национальных традиций. Представляется, что позиция героя совпадает с авторской, поскольку эту точку зрения В. Ф. Одоевский будет отстаивать и впоследствии, в 1840-е годы, в разгар споров между западниками и славянофилами.

Показательно, что П. Н. Сакулин, говоря о «автобиографическом характере переживаний Вячеслава», замечает, что «его друг Виктор, московский журналист, отчасти напоминает нам Шевырева» [18, 173]. Возражения Виктора в самом деле схожи с высказываниями С. П. Шевырева, который проводил довольно резкую границу между русским и иностранным: по справедливому замечанию Ю. В. Манна, его «интересовало не общечеловеческое, а свое, национальное» [12, 244]. Во влиянии Европы С. П. Шевырев видел развращающий демократизм, свободолюбие и суетность, не свойственные, по его мнению, русской природе и подрывающие духовное, нравственное и государственное здоровье России. По замечанию современной

исследовательницы, «Шевырев считал, что единственно возможный путь, который необходимо избрать для улучшения жизни в России, — нравственно совершенствовать русского человека, настойчиво обращая его к высокому духу православной Веры» [16, 17].

Несмотря на явные разногласия в оценке европейского влияния, Одоевский и Шевырев сходятся в мысли о губительности слепого заимствования западных образцов и в необходимости учитывать особенности России. Одним из главных отличий последней от Европы оба литератора, как и многие другие отечественные и зарубежные мыслители того времени, считали, с одной стороны, «старость» Европы и присущие ей «опытность и разочарование» (1835, № 1, 15), а с другой — молодость и свежесть России: «...мы бодрь, исполнены надежды и силы» (1835, № 1, 17).

Вместе с тем, далеко не все «наблюдатели» были согласны с такой точкой зрения на исторический возраст Отечества. В «Мечте» А. С. Хомякова годы России — «Востока» — определяются иначе:

Услышь же глас судьбы, воспрянь в сияньи новом,
Проснися, дремлющий Восток! (1835, № 1, 88) —

воскликает поэт. Россия для А. С. Хомякова не юная держава, но умудренный, «дремлющий» край, который, подобно фениксу, должен пробудиться, сбросить с себя путы чуждых заимствований, воскресить самобытные черты и «воспрянуть в сияньи новом». Что же касается возраста Европы, то поэт говорит не просто о ее старости, но о скорой гибели, о «закате»:

...Ложится тьма густая
На дальнем Западе, стране святых чудес:
Светила прежние бледнеют, догорая,
И звезды лучшие срываются с небес.
А как прекрасен был тот Запад величавый! (1835, № 1, 87).

По мнению А. С. Хомякова, на Европу ложится «мертвенный покров» суеты, расчетливости и рационализма. Причем, называя Запад «страной святых чудес», русский мыслитель подчеркивает логическое начало в верованиях и устремлениях Европы, ее рассудочность, неспособность на живое и непосредственное

чувство веры («Блаженны невидевшие и уверовавшие» (Ин. 20:29)). Тогда как Россия, напротив, несмотря на тысячелетнюю историю, благодаря Православию сохранила живую веру и чистоту души. По замечанию Б. Н. Тарасова, Хомяков «искал спасительного выхода из овладевавшей Россией западной духовно-исторической традиции в неповрежденных корнях восточного христианства, сосредоточенного на духовном делании и преодолении внутреннего несовершенства человека, сохраняющего в полноте и чистоте принципы Вселенского предания и переносящего их на идеалы социально-государственного устройства» [19, 306–307].

Именно в духовном просветлении, в укреплении традиций и догматов Православия, а не в науке, просвещении и социальных преобразованиях видел А. С. Хомяков, как и С. П. Шевырев, спасение и опору России, питающий ее «ключ»:

Не возмутят людские страсти
Его кристальной глубины,
Как прежде холод чуждой власти
Не заковал его волны.
И он течет, неиссякаем,
Как тайна жизни невидим,
И чист, и миру чужд, и знаем
Лишь Богу да его святым (1835, № 9, 340).

Вместе с тем, Хомяков не отрицал пользы просвещения и наук, но считал, что любое знание должно зиждиться на «разумном просветлении всего духовного состава в человеке или народе», которое, в свою очередь, «может соединяться с наукою, ибо наука есть одно из его явлений, но оно сильно и без наукообразного знания; наука же (одностороннее ее развитие) бессильна и ничтожна без него» (1988, 101–102).

Одоевскому, вся жизнь которого протекала в неутомимой деятельности, позиция Хомякова казалась слишком созерцательной. Тесная дружба и глубокая личная симпатия, связывавшие литераторов еще со времен Общества Любомудров, как и любовь к Родине, вера в ее особую судьбу и великое предназначение, не помешали, однако, разгореться горячему спору между В. Ф. Одоевским и А. С. Хомяковым.

И путь, по которому должна пойти Россия, и силы, питающие ее, и оценка исторических событий, прежде всего реформ Петра Великого, и роль науки и просвещения в будущем человечества в целом — все эти вопросы порождали разногласия между двумя бывшими любомудрами.

Ближе к позиции Одоевского в споре между западниками и славянофилами были воззрения Н. Ф. Павлова, также не примкнувшего ни к одному из лагерей. Говоря о важности и благой роли реформ Петра Великого и западноевропейского влияния в истории России, Н. Ф. Павлов подчеркивал силу и самобытность последней: «Перед нами висит теперь карта России: странно, многие не догадались еще, что она выиграла свою тяжбу и ей не нужны стряпчие, многие бьются из всех сил, уверяя нас, что она прекрасна: — жалкий труд? ведь Россия — мы!» — писал он в рецензии на комедию М. Н. Загоскина «Недовольные» (1835, ч. 4, 442). Н. Ф. Павлов с иронией относился и к разговорам о несостоятельности и беспомощности России, и к попыткам русских литераторов возвысить свое Отечество за счет принижения других народностей. Писатель призывал к объективной оценке как собственных сил, так и достоинств Европы, к признанию положительного влияния западного просвещения на Россию и русских. В рецензии на оперу А. Н. Верстовского «Аскольдова могила» Н. Ф. Павлов резко критиковал автора за то, что он сатирически изображает мечника Фрелафа только потому, что тот варяг, и, согласно логике А. Н. Верстовского, если герой «варяг, а не славянин, то, следовательно, должен быть шут, хвастун, глуп и трус». Н. Ф. Павлов резонно отмечает: «Если правда, что славяне призвали некогда варяг для господства над ними, то, вероятно, варяги были не трусы и, вероятно, нельзя было их обижать безнаказанно» (1835, ч. 4, 283).

В реформах Петра I и в постижении русскими европейского опыта Н. Ф. Павлов видел не слабость и пустое подражание, но, напротив, силу и важный, необходимый этап в развитии России: «Если в русских нет хвастливости француза и надменности англичанина, то постараемся понять эту скромность и оправдаем ее. Не будем говорить, они бредят иностранцами, скажем лучше, они хотят соединить у себя все славы, они

томятся жаждой своего Декарта, Лапласа, Кювье, Ньютона, Шекспира» (1835, ч. 4, 442–443).

О благой роли реформ Петра Великого и просвещения в истории России, а также о важности научно-технического прогресса в эволюции всего человечества (именно в *эволюции*) говорил и В. П. Андросов. Рост просвещения, согласно главному редактору «Московского наблюдателя», ведет к гуманизации общества, к развитию не только материальных, но и духовных и интеллектуальных потребностей человека. Так, в статье «Производимость и живые силы» В. П. Андросов, размышляя о положительной роли прогресса в развитии общества, осторожно намекает на вред крепостного права, на его изжитость и с экономической, и с нравственной точек зрения: «Право переработало сообразно своей сущности то жизненное начало, которое до тех пор одушевляло организм работы» (1835, № 1, 44). То есть современное В. П. Андросову российское общество, благодаря развитию науки, экономики, просвещения, по мнению издателя, наконец-то вплотную подошло к необходимости социальных преобразований. В. П. Андросов (что особенно сближает его с Одоевским) стремился к активной пропаганде просвещения и науки, новых изобретений и технологий. Этому способствовали не только оригинальные, но и переводные статьи, появившиеся в «Московском наблюдателе». Например, в переведенном с немецкого очерке «Английский парламент и общества воздержанности», «тот самый человек, который, по одеянию своему, казался истинным представителем древности», «с пламенным энтузиазмом» говорит о «быстром и успешном ходе века» (1835, № 1, 189), о необходимости прогресса и преобразований.

Совершенно иным было отношение к науке и просвещению Е. А. Боратынского, стихотворение которого «Последний поэт» являет особый контраст с «Петербуржскими письмами» Одоевского. Е. А. Боратынский с презрением, даже с негодованием писал о «насуточных и полезных» «промышленных заботах», которым «преданы» «поколенья» (1835, № 1, 30). В науке и прогрессе поэт видел, прежде всего, губительные для человечества «пустоту» и «суету». Лирический герой Е. А. Боратынского с тоской вспоминает о счастливых «днях незнания»,

когда человек обладал чистым, поэтическим и бескорыстным восприятием мира, жил в единстве со стихиями. «Железный» путь, которым «шествует» «век», представляется ему гибельным, ведущим человечество в тупик.

Вместе с тем, несмотря на явные разногласия, Е. А. Боратынский во многом близок Одоевскому. Апокалипсическая картина, нарисованная им в «Последнем поэте», очень напоминает страницы антиутопий Одоевского. Глубоко родственна писателю с его тоской по «бесполезному» печаль Е. А. Боратынского по «снам улыбчивым» и звукам лиры, заглушаемым шумом торговли. Даже отрицательное отношение поэта к научно-техническому прогрессу отчасти перекликается с некоторыми сомнениями, которые порою одолевали Одоевского. Так, в размышлениях молодого романтика из «Ночи I», также опубликованной в «Московском наблюдателе», невольно проскальзывают руссоистские нотки: «Просвещение! Наш XIX век называют просвещенным... но в самом ли деле мы счастливее того рыбака, который некогда, может быть, на этом самом месте, где теперь пестреет газовая толпа, расстилал свои сети?» (1836, № 1, 8).

Таким образом, вопросы о России и Европе, об исторических оценках прошлого своего Отечества и путях его развития были насущными и животрепещущими в глазах авторов «Московского наблюдателя». Страницы журнала запечатлели зарождающиеся споры между западниками и славянофилами, отчасти перекликающиеся с противопоставлением старой и новой столиц — патриархальной, сосредоточенной на духовных ценностях Москвы и делового, ориентированного на Запад и научно-технический прогресс Петербурга. Во мнениях авторов «Московского наблюдателя» не было полного единства, но неизменным оставалось утверждение духовных ценностей. Журнал выразил в себе «ту линию русского осмысления духовной сущности России, которую неверно обозначать как “славянофильскую” — в отличие от “западнической”. Разделение проходит по другой линии: тех, кто принимает православие как основную “идею” русского народа, и тех, кто не принимает именно эту центральную идею народа» [8, 14]. Авторы «Московского наблюдателя» ее принимали.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 15-34-11091а (ц).

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по следующим изданиям: 1) Московский наблюдатель. Журнал 1835–1836; 2) Одоевский В. Ф. Записки для моего праправнука. М.: Русский мир, 2006. 512 с.; 3) Хомяков А. С. О старом и новом. М.: Современник, 1988. 461 с. — с указанием года издания источника, номера выпуска (для журнала) и номера страницы в круглых скобках. Цитаты даны в современной орфографии и пунктуации.

Список литературы

1. Аношкина-Касаткина В. Н. Православные основы русской литературы XIX века. — М.: Пашков дом, 2011. — 384 с.
2. Бломберг С. «Петербургский миф» в наши дни. Попытка обзора [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.netslova.ru/blomberg/petermif.html> (12.08.2016).
3. Бочаров С. Г. Филологические сюжеты. — М.: Языки славянских культур, 2007. — 656 с.
4. Весин С. П. Очерки истории русской журналистики двадцатых и тридцатых годов. — СПб., 1881. — 214 с.
5. Воронова Л. Я., Хузеева Л. Р. Е. А. Боратынский-мыслитель в оценке казанского литературоведения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2012. — № 6. — С. 50–57.
6. Гнеденко В. М. «Московский наблюдатель» в 1835–1837 гг. Историософские взгляды русских шеллигианцев: дис. ... канд. филол. наук. — М., 2004. — 205 с.
7. Греков В. Н. Концепция цельности в философской публицистике славянофилов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2011. — № 4. — С. 119–124.
8. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. — М.: Круть, 2004. — 560 с.
9. Захаров В. Н. Поэтика хронотопа в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. — Вып. 11: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 8. — С. 180–201 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431516399.pdf (18.08.2016).
10. Зеньковский В. В. История русской философии. — М.: Академический Проект, Раритет, 2001. — 880 с.
11. Крупчанов Л. М. История русской литературной критики XIX века. — М.: Высшая школа, 2005. — 382 с.
12. Манн Ю. В. Русская философская эстетика. — М.: МАЛП, 1998. — 381 с.
13. Назиров Р. Г. Петербургская легенда и литературная традиция // Традиции и новаторство. — Уфа: БГУ, 1975. — Вып. 3. — С. 122–135.

14. Николози Р. Петербургский панегирик XVIII века: Миф — идеология — риторика. — М.: Языки славянской культуры, 2009. — 216 с.
15. Помпеев Ю. А. «Петербургу быть пусту!» // Вестник СПбГУКИ. — 2012. — № 2 (11). — С. 35–38.
16. Рамазанова Г. Г. «Московский наблюдатель»: Эстетическая позиция и литературные публикации. — Уфа: Изд-во БГПУ, 2011. — 184 с.
17. Рамазанова Г. Г. Журнал «Московский наблюдатель» в оценках отечественного литературоведения // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2012. — Т. 2. — № 1. — С. 78–81.
18. Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Кн. В. Ф. Одоевский. — М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1913. — Т. 1. — Ч. 2. — 479 с.
19. Тарасов Б. Н. Россия и славянский мир в публицистике Ф. И. Тютчева и в трудах А. С. Хомякова // Россия и славянский мир в творческом наследии Ф. И. Тютчева. — М.: Пашков дом, 2011. — 592 с.
20. Топоров В. Н. Петербургский текст. — М.: Наука, 2009. — 819 с.
21. Турьян М. А. Странная моя судьба: о жизни Владимира Федоровича Одоевского. — М.: Книга, 1991. — 400 с.
22. Цветкова Н. В. Дневник С. П. Шевырева и критика журнала «Московский наблюдатель» (1835–1837) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2007. — № 1. — С. 75–84.
23. Ширинянц А. А. Русская социально-политическая мысль середины XIX в. (библиографический очерк) // Вестник Российской нации. — 2013. — Т. 27. — № 1–2. — С. 74–95.

Yuliya N. Sytina

*Moscow Regional State University
(Moscow, Russian Federation)
yulyasytina@yandex.ru*

RUSSIA AND EUROPE AS A SUBJECT OF THE DISPUTE BETWEEN THE AUTHORS OF “MOSCOW OBSERVER”

Abstract. The article is devoted to the study of the journal “Moscow Observer”. Reflections on the present and the future of Russia, the ways of its development were an integral part of it. Disputes between Westerners and Slavophiles are already incipient there. This controversy partly resonated with the opposition of the old and new capitals — patriarchal Moscow and business Saint Petersburg. The journal hotly debated issues related to the problems of the philosophy of history and religion, political system of the State, relationship between Russia and Europe, the evaluation of the reforms of Peter I, reconsideration of the role of scientific and technological progress in the development of society. The review of the writings of A. S. Khomyakov, S. P. Shevyrev, V. F. Odоеvsky, N. F. Pavlov, V. P. Androsov, E. A. Boratynsky shows that the viewpoints of the authors of “Moscow Observer” were

various, independent and original, always focused on spiritual values and orthodox traditions considered to be authentically Russian.

Keywords: cultural opposition, myth, dispute, “Moscow Observer”, Slavophiles, Westerners, philosophy of history

References

1. Anoshkina-Kasatkina V. N. *Pravoslavnye osnovy russkoy literatury XIX veka* [Orthodox Foundations of Russian Literature of the 19th Century]. Moscow, The Pashkov House Publ., 2011. 384 p.
2. Blomberg S. «Peterburgskiy mif» v nashi dni [“St. Petersburg Myth” in Our Days]. Available at: <http://www.netslova.ru/blomberg/petermif.html> (accessed 18 August 2016).
3. Bocharov S. G. *Filologicheskie syuzhety* [Philological Subjects]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2007. 656 p.
4. Vesin S. P. *Ocherki istorii russkoy zhurnalistiki dvadtsatykh i tridtsatykh godov* [Essays on the History of Russian Journalism of the Twenties and Thirties]. St. Petersburg, 1881. 214 p.
5. Voronova L. Ya., Khuzeeva L. R. E. A. Boratynskiy-myslitel' v otsenke kazanskogo literaturovedeniya [Boratynsky as a Thinker from the Perspective of the Kazan Literary Studies]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian Philology], 2012, no. 6, pp. 50–57.
6. Gnedenko V. M. «Moskovskiy nablyudatel'» v 1835–1837 godakh. *Istoriiosofskie vzglyady russkikh shelligiantsev. Dis. ... kand. filol. nauk* [“Moscow Observer” in 1835–1837. Historiosophical Views of Russian Followers of Schelling. PhD. philol. sci. diss.]. Moscow, 2004. 205 p.
7. Grekov V. N. Kontseptsiya tsel'nosti v filosofskoy publitsistike slavyanofilov [The Concept of Wholeness in the Philosophical Journalism of the Slavophiles]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian Philology], 2011, no. 4, pp. 119–124.
8. Esaulov I. A. *Paskhal'nost' russkoy slovesnosti* [Paskhal'nost' of Russian Literature]. Moscow, Krug Publ., 2004. 560 p.
9. Zakharov V. N. Poetika khronotopa v «Zimnikh zametkakh o letnikh vpechatleniyakh» Dostoevskogo [The Poetics of Chronotope in “Winter Notes on Summer Impressions” by Dostoevsky]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2013. Vol. 11: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reminitsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The Gospel Text in Russian Literature of the 18th–20th Centuries: Quotation, Reminiscence, Motif, Plot, Genre]. Issue 8, pp. 180–201. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431516399.pdf (accessed 18 August 2016).
10. Zen'kovskiy V. V. *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow, Akademicheskii proekt, Raritet Publ., 2001. 880 p.
11. Krupchanov L. M. *Istoriya russkoy literaturnoy kritiki XIX veka* [History of the Russian Literary Criticism of the 19th Century]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2005. 382 p.

12. Mann Yu. V. *Russkaya filosofskaya estetika* [Russian Philosophical Aesthetics]. Moscow, MALP Publ., 1998. 381 p.
13. Nazirov R. G. Peterburgskaya legenda i literaturnaya traditsiya [St. Petersburg Legend and Literary Tradition]. *Traditsii i novatorstvo* [Traditions and Innovation]. Ufa, Bashkir State University Publ., 1975, issue 3, pp. 122–135.
14. Nikolozi R. *Peterburgskiy panegirik XVIII veka: Mif — ideologiya — ritorika* [The Eulogy of St. Petersburg of the 18th Century: Myth, Ideology, Rhetoric]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2009. 216 p.
15. Pompeev Yu. A. «Peterburgu byt' pustu!» [“St. Petersburg Must Be Empty!”]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of St. Petersburg State University of Culture and Arts], 2012, no. 2 (11), pp. 35–38.
16. Ramazanova G. G. «Moskovskiy nablyudatel'»: *Esteticheskaya pozitsiya i literaturnye publikatsii: monografiya* [“Moscow Observer”: An Aesthetic Standpoint and Literary Publications: Monograph]. Ufa, Bashkir State Pedagogical University Publ., 2011. 184 p.
17. Ramazanova G. G. Zhurnal «Moskovskiy nablyudatel'» v otsenkakh otechestvennogo literaturovedeniya [The Magazine “Moscow Observer” from the Perspective of National Literary Studies]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State Humanities University], 2012, vol. 2, no. 1, pp. 78–81.
18. Sakulin P. N. *Iz istorii russkogo idealizma. Kn. V. F. Odoevskiy* [The History of Russian Idealism. Pr. V. F. Odoevsky]. Moscow, M. and S. Sabashnikov's Publ., 1913, vol. 1, part 2. 479 p.
19. Tarasov B. N. *Rossiya i slavyanskiy mir v publitsistike F. I. Tyutcheva i v trudakh A. S. Khomyakova* [Russia and the Slavic World in Journalism F. I. Tyutchev and Writings of A. S. Khomyakov]. *Rossiya i slavyanskiy mir v tvorchestvom nasledii F. I. Tyutcheva* [Russia and the Slavic World in the Creative Heritage of F. I. Tyutchev]. Moscow, Pashkov Dom Publ., 2011. 592 p.
20. Toporov V. N. *Peterburgskiy tekst* [The Petersburg Text]. Moscow, Nauka Publ., 2009. 819 p.
21. Tur'yan M. A. *Strannaya moya sud'ba: o zhizni Vladimira Fedorovicha Odoevskogo* [What a Strange Destiny I Have: About Life of Vladimir Fyodorovich Odoevsky]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 400 p.
22. Tsvetkova N. V. Dnevnik S. P. Shevyreva i kritika zhurnala «Moskovskiy nablyudatel'» (1835–1837) [S. P. Shevyryov's Diary and Criticism of the Magazine “Moscow Observer” (1835–1837)]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Vestnik PskovSU. Series: Social Sciences and Humanities], 2007, no. 1, pp. 75–84.
23. Shirinyants A. A. *Russkaya sotsial'no-politicheskaya mysl' serediny XIX veka. (bibliograficheskiy ocherk)*. [Russian Social and Political Thought of the Middle of the 19th Century (Bibliographic Essay)]. *Vestnik Rossiyskoy natsii* [Bulletin of Russian Nation], 2013, vol. 27, no. 1–2, pp. 74–95.

Дата поступления в редакцию: 24.08.2016